

Чернобровкина Наталья Игоревна
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
nichernobrovkina@gmail.com

**Действительные основания и показатели нормативного диссонанса
в социальной сфере российского общества**

Аннотация. Предметом исследования является нормативный диссонанс как политико-правовое несоответствие и рассогласование в нормативно-ценностной системе современной России, который активно проявляется в её социальной сфере. Выявление действительных оснований нормативного диссонанса в социальной сфере осуществлялось по двум направлениям: во-первых, рассмотрение идей и практик социального государства и, во-вторых, российских проектов модернизации. Это позволило разработать систему показателей действия нормативного диссонанса в социальной политике российского государства.

Ключевые слова: нормативный диссонанс; социальная политика; социальная структура; реформирования национальной экономики

Chernobrovkina Natalya Igorevna
South Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
nichernobrovkina@gmail.com

**Valid bases and indicators of normative dissonance in the social sphere
of the russian society**

Abstract. The subject of the study is normative dissonance as a political and legal discrepancy and inconsistency in the normative-value system of modern Russian Federation, which is actively manifested in its social sphere. The identification of the valid foundations of normative dissonance in the social sphere was carried out in two directions: firstly, consideration of the ideas and practices of the social state and, secondly, Russian modernization projects. This allowed us to develop a system of indicators of the effect of normative dissonance in the social policy of the Russian state.

Keywords: normative dissonance; social politics; social structure; reforming the national economy

Аналитические средства рассмотрения нормативного диссонанса

В рассмотрении нормативного диссонанса мы ориентируемся на два исходных логических соображения. Во-первых, нормативный диссонанс представляется нам моментом *социального действия, поведения* конкретного индивида, социальных групп или социального института в системе общественных отношений. Во-вторых, так как мы ограничиваем своё рассмотрение нормативного диссонанса его проявлением в социальной сфере современной России, он может быть истолкован в качестве *механизма регуляции отношений между личностью, обществом и государством*.

Используемая нами категория «механизм регуляции» соотносится с общесоциологическим представлением о нормативно-ценностной системе общества, а также с понятием социальных нормативов. В понятии социальных нормативов находит отражение система типичных требований, которые социальные субъекты (социальные группы, общности, индивиды, социальные институты) предъявляют к социальным объектам для осуществления своей жизнедеятельности и решения социальных проблем. Установление, или регламентация социальных нормативов – прерогатива, обязанность государства. Противоречие между этой деятельностью нынешнего российского государства и нормативно-ценностной системой общества обнаруживает себя в нормативном диссонансе.

В статье мы нацелились на рассмотрение и конкретизацию социальных действий и событий, связанных с политико-правовым несоответствием и рассогласованием в нормативно-ценностной системе современной России. Эти действия и события мы определили как нормативный диссонанс. Он активно проявляется в социальной сфере нашей страны и социальной политике постсоветского государства.

Предмет нашего анализа – нормативный диссонанс в социальной сфере современной России – находится в прямой зависимости от объективных условий и процессов, прежде всего, от либерально-рыночных реформ, начавшихся в нашей стране с начала 1990-х гг. и последовавших вслед за этим трансформационных процессов во всех сферах общественной жизни.

Такой угол зрения на нормативный диссонанс предполагает его рассмотрение с позиции функционально-генетического подхода. Мы знаем, что этот исследовательский метод далёк от разложения своего предмета на составные части, элементы («простейшие частицы») и его реконструкцию от простого к сложному. Функционально-генетический подход предполагает движение от анализа имеющихся в социологическом знании логических форм предмета к их дальнейшему уточнению реальными фактами и, тем самым, расширению содержания предмета.

Установленные нами теоретические предпосылки нормативного диссонанса в социальной сфере современной России, а также выясненные нами условия его действия в социальной политике постсоветского государства предполагают разработку его *социальных показателей*. Мы не претендуем на создание предельно доказательной базы для всех характеристик нормативного диссонанса. Их следует понимать как относительные. В действительности нормативный диссонанс соотносится со многими и разными явлениями и процессами общественной жизни, которые находятся в постоянном движении и подвержены изменениям. Значит – для его выделения и обобщения понадобятся новые основания и показатели.

Предельно абстрактная функциональная характеристика нормативного диссонанса в общественных связях и отношениях заключается в отсутствии там всяких норм, образцов, ориентиров и т.п. Тем самым нормативный диссонанс как бы отрицает всё, что до него или после него возымело/возымеет конструктивную силу и

общественную поддержку. В этом своём качестве он одинаково пригоден и для оправдания социальной политики постсоветского государства, и для её критики. Кроме того, нормативный диссонанс как бы отвергает порядок, устанавливаемый с помощью предшествующей нормативно-ценностной системы, и препятствует установлению нового порядка.

Но представляется недостаточным связывать нормативный диссонанс с только его отрицательным содержанием и останавливаться в его познании на однозначных умозаключениях. У нормативного диссонанса есть предел, ограничитель – его *противоположность*, которая в своей функциональной характеристике, в отличие от нормативного диссонанса, что-либо утверждает и обеспечивает (во временной характеристике – до, во время и после него). Противоположностью нормативного диссонанса является *нормативное согласование* (однородный и противоположный диссонансу термин – консонанс), подчинение каких-либо действий, вещей, отношений их упорядоченным в общественном и индивидуальном сознании значениям, нормам, образцам и т.д. В нашей упрощённой формулировке, *нормативный консонанс* – согласование сущего с должным. В действительности и нормативный диссонанс и его противоположность есть лишь две стороны одной объективной данности (действия, вещи, системы, процессов и др.), они существуют и проявляют себя с разным потенциалом и в разных пропорциях только при условии развития, изменения этой данности.

Действительное содержание нормативного диссонанса в социальной сфере российского общества

Закономерна постановка вопросов: «Почему в социальной политике страны действует нормативный диссонанс? Какие объективные процессы обуславливают нарушения деятельности органов власти в социальной сфере?» В отыскании ответов на эти вопросы мы анализируем соответствующую информацию под углом зрения: 1) *идей и практик социального государства* и 2) *российских проектов модернизации*.

Из научной литературы известно, что формирование идей социального государства и их практическое воплощение происходило в западноевропейских странах с рыночной экономикой. Сегодня этот почти двухсотлетний опыт достаточно подробно освещён, что позволяет уяснить противоречивую траекторию и историческую динамику в создании зоны *социальной справедливости* для большинства населения стран с рыночной экономикой. За послевоенное время в них сложились разные модели социального государства (наиболее представительные: либеральная, корпоративная, солидарная). И под *социальной политикой* там понимается система целенаправленных государственных мероприятий по регулированию отношений между разными группами населения с целью повышения общественного благосостояния, улучшения уровня и качества жизни, рационального использования

трудового потенциала. Базовым принципом организации социальной политики в разных моделях социального государства выступает *соотношение доли участия в ней ответственных субъектов*: государства, корпораций, личности и институтов гражданского общества. А важнейшим индикатором социального государства является *социально ориентированная экономика*. Это не значит, что в странах, реализующих модели социального государства, отсутствуют конфликты интересов, противоборство социально-политических сил и т.п. Социальное государство, как всякое государство, защищает интересы господствующих слоев общества, но ему законодательно вменяются обязанности установления и регулирования ограничений в правах собственности, а также обеспечения социальной справедливости.

Таким образом, осуществление эффективной социальной политики зависит от сильного государства, ответственного за повышение уровня социальной справедливости, создания условий равных возможностей для всех граждан, и от институционально развитого гражданского общества, контролирующего государственные гарантии и обязательства. Возможности разных моделей социального государства детерминируются многими причинами. Так, в последнее время практически во всех развитых странах проявляются тенденции сокращения государственных расходов на социальные нужды, издержки в деятельности государственных служб, мультипликация и индивидуализация центров власти в обществе и т.д. Многие из этих причин стимулируют возникновение разнообразных практик гражданской самоорганизации, самоуправления, социальной солидарности, что свидетельствует об изменении структуры и функций социального государства.

Признаем, что наша страна чрезвычайно далека и от правовых основ социального государства, и от гражданских практик расширения зон социальной справедливости. Исходя из базового принципа организации социальной политики, можно установить, что в современной России в настоящее время представительство и соотношение её основных субъектов существенно отличается от западноевропейских параметров. Их отсутствие, как выясняют исследователи, связано с наличием в социально-экономической жизни современной России *двух разнородных типов социально-экономических отношений*.

Правящая элита нацелена на воспроизводство и поддержание выгодного для её интересов *принципа единоличного присвоения национального богатства* и для этого приспособила «советский инвентарь» – административно-распределительное регулирование. А народившиеся за годы реформ немногочисленные социальные группы частных собственников и самозанятых, с точки зрения социологов, по существенным признакам не является реальной (гомогенной) общностью, способной консолидировать свои интересы и установки. Есть основания заключить, что в современной России отсутствуют реальные равенство и равнозначность всех видов человеческого труда. Есть реальное неравенство, которое находит своё выражение в *различиях объективного и субъективного свойства*. То, что в развитых либеральных

странах воссоздается в общих для всех правовых нормах равенства и равноправия в экономических отношениях, в нашей стране пребывает спонтанным социальным ожиданием и противоречивой ценностной ориентацией. Действительным условием для этого служат особые привилегии правящей элиты.

Но и у правящей элиты современной России хватает препятствий на пути укрепления своих экономических позиций и особых привилегий. Это и нарастающая информационная доступность разных групп российского населения к деятельности органов власти, и критика общественностью злоупотреблений должностных лиц, и возможности общественности влиять через СМИ, представительные органы и судебные инстанции, массовые выступления на политические решения правящей элиты, и, что также немаловажно, внутриэлитная конкуренция.

В двадцатилетней истории *социальной политики* в современной России, отражённой во многих научных работах и периодических изданиях, можно отыскать аргументы к тому, что для правящей элиты разных этапов государственного управления она остаётся *инструментом преодоления* препятствий на пути её привилегированного положения и одновременно *условием закрепления* принципа единоличного присвоения и распределения национальных активов. Правящая элита использует для осуществления этих целей *социальный механизм нормативного диссонанса*.

Нормативный диссонанс в социальной сфере обусловлен, в первую очередь, особым характером правящей элиты в современной России. К этому выводу мы пришли с помощью научной информации по проблемам социального государства и модернизации, а также отечественных исследований истории социальной политики постсоветского государства и состояния социальной сферы в нашей стране. Обоснование нашего вывода содержит следующие моменты:

- в современной России не сформированы реальные правовые основы социального государства и гражданских практик расширения зон социальной активности. Их формированию препятствуют номенклатурный частнособственнический контроль национального богатства и неравноправными социально-экономическими отношениями;

- с первых лет либерального реформирования национальной экономики в социальной политике и её законодательной базе действовал нормативный диссонанс, что проявилось в неуправляемости и бесконтрольности отношений собственности, социальной безответственности предпринимательской деятельности, несоответствии административно-распределительного регулирования новым социально-экономическим отношениям и усиливающейся дифференциации населения по доходам. Последовавшие с 1995-го г. преобразования системы социального страхования и социальной защиты на основе единого социального налога обострили многие социальные проблемы: депопуляцию, поляризацию, безработицу и т.д. Общенациональные программы 2005–2008 гг., декларируемые государством как

«инвестиции в человека», общественное мнение выразило в оценках их несоответствия действительному положению дел в социальной сфере;

- изменившийся с 2000-го г. состав правящей элиты продолжает укреплять свои экономические преимущества за счёт абсолютного контроля над подавляющей частью национальных активов и патерналистских способов регулирования социальной сферы;

- идеи и международный опыт социального государства правящая элита намеренно упускает в своих коммуникациях и социальной политике, иницилируя вместо них в общественном сознании разработки стратегий модернизации.

Социальные показатели нормативного диссонанса

Для конкретизации функциональных свойств нормативного диссонанса в социальной сфере нашей страны мы обращаемся к прямым и косвенным данным, предел которых определяется фактами нормативного консонанса. В фактах нормативного консонанса могут «скрываться» ограничения, не соответствующие российской действительности, но здесь важно уяснить их практическую значимость и противоположность по отношению к тем рассогласованиям, несоответствиям, имеющим место в нашей стране, точнее, в её социальной сфере.

1. Зависимость диспозиций социальных групп и индивидов от характера социальной структуры российского общества.

В течение двадцати лет социетальных преобразований социальная структура российского общества приобрела классово-антагонистический формат. В нем отчетливо выражена вертикальная стратификация, расслоение и неравенство социальных групп, общностей и индивидов по отношению к бюрократически подчинённым источникам и способам обеспечения необходимыми ресурсами (экономическими, властными, социальными, культурными). Соответственно социально-экономические и территориальные иерархии в связях и отношениях людей определяют восприятие ими условий своей жизнедеятельности, их ценностные ориентации и установки, т.е. их диспозиции. Зависимость диспозиций социальных групп и индивидов от их места в классово-антагонистической структуре российского общества – благодатная почва для действия нормативного диссонанса.

В настоящее время в стране имеется чрезвычайно большая доля мелкобуржуазных и люмпенизированных групп населения, за убеждения которых борются различные политические силы и в материально-имущественной и ценностно-ориентированной дифференциации которых заинтересована правящая элита.

Трудоспособное население России составляют 75 млн экономически активных граждан в возрасте от 15 лет вплоть до пенсионного возраста. К ним относятся работники официально не зарегистрированных производственных единиц, неформального рынка труда, а также получающие скрытую оплату труда. Кроме того, в статистике Росстата учитываются около 9 млн человек, существующих на случайные заработки, 5 млн безработных и 18 млн экономически неактивного населения. К

последним относятся не только инвалиды, учащиеся, но и обширный круг лиц, ведущих паразитический образ жизни (рантье, криминальный бизнес, бомжи и т.п.). В социальной структуре российского общества очевидна несоразмерность между трудоспособными группами населения. 2/3 из них «отданы на откуп» нелегитимному, теневому рынку труда. Вместе с 20-ю млн люмпенизированного слоя (экономически неактивного населения) они формируют те диспозиции, которые связаны, прежде всего, с их личными и семейными интересами, а не общественными потребностями либо государственными установлениями.

У социально-экономической структуры российского общества есть важный коэффициент, величина, содействующая социальному значению происходящих в ней процессов стратификации. Это – национальное богатство страны, которое в научной литературе определяется как совокупность всех материальных и нематериальных активов, созданных человеком на территории определённой страны (основные и оборотные фонды). Сюда также входят природные ресурсы и люди с их знаниями, профессиональными умениями и потребностями (человеческий капитал, или ресурсы). Есть разные трудности в измерении национального богатства страны; экономические эксперты статистически устанавливают фонды, сырьё, доли государственного и негосударственного секторов экономики, количество и качество населения, но многие качественные и динамические показатели пребывают условными.

Российская правящая элита в своём контроле новых «правил игры», формально-правовых установлений либерального типа, оказывается в прямой зависимости от главных игроков глобального капитала, и менее всего ориентируется на общественные запросы и социальные ожидания. Легализованный её «институциональный каркас» пребывает в режиме стихийного и самодетельного усвоения и приспособления со стороны большинства населения страны, что порождает внутренние противоречия, нормативный диссонанс в их диспозициях.

2. Массовое неприятие либеральных «правил игры» и безразличие к гражданским правам и свободам.

В массовом сознании российского общества содержится достаточно устойчивое представление о том, что реальные права и свободы обеспечиваются не законом, а неким «правом сильного», которое проявляется в неравномерном распределении трудовых мест и доходов, чрезмерном повышении цен на потребительские товары и услуги, сужении сферы социальных гарантий и защиты и т.п. По данным некоторых социологических опросов, подобные представления отражают сложившиеся в стране правовые отношения. В интерпретации В. Э. Бойкова, политико-правовой режим «ассоциируется в массовом сознании с политикой административного диктата и произвольного использования власти высокопоставленными должностными лицами и чиновниками» [Бойков, 2014: 92].

В. В. Петухов устанавливает, что «россияне достаточно успешно адаптировались к переменам». Они «замечают "элитарную" природу российского

капитализма и российской демократии» [Петухов, 2018: 34]. И далее: «в обществе стал формироваться запрос на новое качество жизни, теперь уже мало отличающийся от запроса граждан любой европейской страны» [Петухов, 2018: 34], но по-прежнему остаются неосознанными и неопределёнными представления о гражданских правах и свободах. Объясняется последние тем, что, по словам исследователя, «в России в 90-е гг. демонтаж советской системы ограничился свертыванием социальных основ предшествующего строя». «Любые разговоры о том, что помимо политических прав и свобод есть еще и социальные, трактовались, особенно на начальном этапе реформ, как чуть ли не призыв к возврату в "тоталитарное прошлое", к модели "социалистической демократии", базирующейся на этатизме и патернализме. С тех лет, по большому счету, мало что изменилось» [Петухов, 2018: 35].

Между тем, в массовом сознании россиян присутствует отчетливое представление об опорах чаемого общественного устройства: правовая защищенность граждан и социальная справедливость. В этой «русской мечте» социальные права преобладают над политическими, сильно выраженное чувство социальной справедливости не соотносится социальными обязательствами и солидарностью с другими людьми. Согласно результатам международного социологического исследования, российский социум – наиболее атомизированный в современном мире. Основа такой разобщенности лежит не столько в «живости» прошлого опыта, сколько в характере общественных связей и отношений. «Правящая элита, – считает М. К. Горшков, – сводит демократию исключительно к сфере политики и выборным процедурам» [Горшков, 2019: 5]. А запущенная к выборам пропагандистская машина порождает в общественных настроениях апатию и недоверие к любым формам гражданского объединения.

Несоответствие социально-экономических возможностей и ожиданий большинства россиян либеральным «правилам игры» сопровождается их апатией к защите своих гражданских прав, что обеспечивает проявление нормативного диссонанса в социальном регулировании.

3. Несоответствие стандартов в социальной сфере современной России международным нормам и критериям.

Свидетельством является установление государством минимальной заработной платы, где стандарт – это должное; в отношении к заработной плате он законодательно закреплённая социальная гарантия, не допускающая понижения заработной платы или её невыплаты.

Сотрудничество с Международной организацией труда (МОТ) обязывает российскую власть действовать в соответствии с принятыми там рекомендациями. В отношении стандарта минимальной заработной платы ими является Конвенцию МОТ № 131. В ней сформулированы критерии определения уровня минимальной заработной платы, общего уровня оплаты труда, социальных пособий, поддержания занятости и др. Согласно международным нормам, минимальная зарплата должна быть не менее

3 долларов в час. По покупательной способности эти средства обеспечивают оплату 10 тысяч киловатт-часов электроэнергии, или 600 килограммов хлеба в месяц. Отличие российского стандарта МРОТ от международной нормы, по определению, обнаруживают нормативный диссонанс. Тем не менее, он легализует некий набор социальных гарантий для россиян, создает видимость выведения максимальное количество граждан за пределы нижней границы нормы. Он по всем показателям не может обеспечить удовлетворение базовых потребностей жителя нашей страны, но его регулирующего воздействия достаточно для развития неправовых практик и противозаконных действий в социально-экономических отношениях.

4. Государственное регулирование с помощью двойных стандартов.

В нормативно-правовом регулировании развитых стран действуют, в основном, социально значимые запреты, автоматически разрешающие всё за их пределами. У этих регуляторов два направления: по отношению к индивиду и по отношению к государству. Свободу индивиду обеспечивают его законопослушность, моральность и профессионализм. Государству нельзя нарушать права человека и гражданских свобод (свободу слова и совести, гражданства, передвижения, прав частной собственности и занятий предпринимательством). Независимые друг от друга структуры власти и гражданское общество обеспечивают контроль соблюдения этих государственных «табу». Со своей стороны государство берёт на себя обязательства в области социальной защиты, образования, охраны здоровья, культуры, обеспечения социальным жильем и др. В социальной сфере эффективность социальной политики определяется преодолением социальной разобщённости, повышением качества жизни, взаимной ответственностью на основе социальной справедливости (равнозначности всех видов человеческого труда) и социального партнёрства.

Что мы наблюдаем в России? Множество нормативно-правых документов не согласуются с Основным законом и нарушают социально-экономические права россиян. Так, Федеральный Закон № 83 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» предусматривает сокращение бюджетных расходов на социальную сферу с помощью «привлечения внебюджетных источников финансирования». Иначе говоря, он легализует коммерциализацию в учреждениях здравоохранения и образования и выводит государство за пределы его социальных обязательств. Здесь мы также можем зафиксировать и дать оценку нормативного диссонанса. Раз по Конституции у нас гарантировано бесплатное образование, то государство должно обеспечить финансово это социальное право каждого гражданина Российской Федерации. Оно обязано это сделать. Вместо этого государство выделяет деньги учреждениям по спорным нормативам, намеренно игнорируя действительные нужды учреждений, а будет ли действительно реализовано это право гражданина на практике, его не интересует. Его заботит, как бы больше сэкономить на образовании и медицине.

Действительное содержание нормативного диссонанса не ограничивается только этими показателями. Но уже эти характеристики нормативного диссонанса позволяют конкретизировать те закономерности его проявления, которые мы выявили в предыдущих частях нашей работы.

Итог этой части нашей работы – опыт разработки системы социальных показателей нормативного диссонанса в социальной сфере современной России. Наш вариант системы социальных показателей нормативного диссонанса включает следующие характеристики его проявления:

1. Зависимость диспозиций социальных групп и индивидов от характера социальной структуры российского общества.
2. Массовое неприятие либеральных «правил игры» и безразличие к гражданским правам и свободам.
3. Несоответствие стандартов в социальной сфере современной России международным нормам и критериям.
4. Государственное регулирование с помощью двойных стандартов.

Библиографический список

Бойков В. Э. Человеческий фактор «теневой» экономики после 20 лет реформирования российского общества // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 90–96.

Горишков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17.

Конвенция МОТ № 131 «Об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: [веб-сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901766130> (дата обращения: 10.05.2020).

Петухов В. В. Позиционирование России в мире на фоне внешних и внутренних угроз в оценках и суждениях россиян // Социологический журнал. 2018. № 3. С. 32–40.

Трудовые ресурсы [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud1.htm (дата обращения: 10.05.2020).